

Миловидов Б.П., Хомченко С.Н.

Военнопленные армии Наполеона в Пензенской губернии в 1812 - 1814 гг.

// Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы
XIII Всероссийской научной конференции. М, 2006. С. 261-288.

[261] Проблема военнопленных Великой армии в последние годы занимает значительное место в отечественной историографии эпохи наполеоновских войн. Однако в работах, посвященных пребыванию пленников в отдельных регионах Российской империи, по-прежнему ощущается недостаток. Наша статья, основанная на материалах Государственного архива Пензенской области и воспоминаниях самих пленных, призвана в некоторой степени восполнить указанный историографический пробел.

Государственный архив Пензенской области (ГАПО) содержит в фондах Канцелярии Пензенского гражданского губернатора и Пензенского губернского правления 24 дела, в которых имеется информация о пребывании в Пензенской губернии военнопленных Великой армии. 22 дела общим объемом более 1,5 тыс. листов относятся непосредственно к военнопленным. Это двусторонняя административная переписка губернатора на трех уровнях (со столицей, другими губернаторами и местными уездными властями), рапорты препровождающих партии военнопленных офицеров и чиновников, списки приходящих и находящихся в губернии пленных, их прошения и другие сведения, дающие ценный материал об этой странице истории Отечественной войны 1812 г.

Первоначально Пензенская губерния исполняла роль перевалочного пункта на пути дальнейшего следования пленных. Установить время прибытия в Пензу первой партии военнопленных по архивным данным не представляется возможным. Первый из сохранившихся в ГАПО документов по интересующей нас теме относится к январю 1813 года. Тогда, в ответ на предписание Главнокомандующего в Санкт-Петербурге С.К. Вязмитинова № 28 от 4 января 1813 г. о предоставлении сведений о военнопленных, составляется ведомость о числе проходивших через Пензенскую губернию военнопленных на 14 января. Согласно ей, через губернию за указанный срок проследовало 2428 пленных, в том числе 1 генерал и 59 офицеров¹. Трое из проходящих офицеров, лейтенант Карл Пиерпон и су-лейтенанты Лион Мишель Пасто и Клод Бернар Вало, были оставлены в пензенском лазарете за болезнью, они и стали первыми «постоянными» пленными². Несколько позже, в донесении от 4 марта, сообщается, что большинство военнопленных, следующих из Тамбова через Пензу направлялись в Саратов, а именно генерал барон Корсен, 56 штаб- и обер-офицеров [262] и 2346 нижних чинов, а в Вятку - всего 6 обер-офицеров и 22 нижних чина³.

К этому же времени относится сбор информации об умерших в проходящих партиях. В Пензенской губернии таковых оказалось 12 нижних чинов, причем все они были погребены вне кладбищ⁴.

Также весной через губернию, минуя Пензу, проходили небольшие партии поляков, наблюдение за которыми было поручено чембарскому земскому суду⁵.

Первая партия военнопленных для проживания в губернии прибыла около 18 июня 1813 г. Она насчитывала 108 штаб- и обер-офицеров и 20 нижних чинов. В числе прочих в партии находились мемуаристы, вюртембергские обер-лейтенанты Людвиг фон Йелин и Юлиус фон Зоден. К штаб-офицерскому корпусу относились майоры Теодор Вундт, Розеф Обермайер и Вильгельм Грин, а также шефы батальонов Людвиг Фишер, Валентин Шпет и Андре фон Ламец⁶. В начале июля прибывшие офицеры были распределены по городам губернии. 37 из них остались в Пензе, 20 были отправлены в Городище, 11 – в Мокшанск, 21 – в Краснослободск, 19 – в Саранск. 10-12 июля пленные прибыли к местам назначения⁷.

Через Пензу в Саратов с коллежским регистратором Александровским прошла партия из 4 штаб-офицеров, 21 обер-офицера, 11 нижних чинов и 1 женщины. После отдыха, пленные 16 июля выступили к месту назначения⁸.

К 13 августа относятся распоряжения губернатора полицмейстеру о принятии партии из 49 офицеров и полиции об отправлении их в Керенск и Краснослободск. Она прибыла в Пензу в сопровождении поручика Апухтина из Могилевской губернии. В этой партии находился баварский обер-лейтенант Фридрих Фюртенбах, также известный мемуарист. Из других пленных стоит выделить Жанвье Сципиона, начальника бюро госпиталей и казарм Военного министерства Герцогства Варшавского⁹. Распределены пленные по городам губернии следующим образом. Трое остались в Пензе, 30 французов отправились в Керенск, 16 человек, преимущественно немцев – в Краснослободск¹⁰.

Первоначально данная партия насчитывала 50 человек, но французский су-лейтенант Иосиф де Варен сбежал при выходе из Орла, после чего явился к Орловскому полицмейстеру, показав, что он не пленный, а дезертир. Сведения о де Варене были направлены Главнокомандующему в Санкт-Петербурге, вскоре оттуда пришло распоряжение отправить того в Пензу под особое наблюдение полиции¹¹.

[263] 6 октября в Пензу прибыла объединенная партия пленных из Минской и Могилевской губерний, следовавшая из Тамбова в сопровождении поручика Ряжского пехотного полка Раскова. 199 нижних чинов должны были поселиться в Пензенской губернии, а 9 обер-офицеров и 47 рядовых за побег надлежало отправить в г. Ишим Тобольской губернии¹². Один из 199 нижних чинов умер еще в Тамбове, трое были оставлены в Пензе, а 195 пленных были отправлены в уездный Чембар¹³.

28 сентября 1813 г. пензенский губернатор князь Г.С. Голицын получил предписание Особенной канцелярии Министерства полиции от 9 сентября за № 3358 о составлении по форме списков нижних чинов, находящихся в губернии и о доставлении их (списков) не позже 1 ноября в Санкт-Петербург. 30 сентября соответствующие предписания губернатора были отправлены на места, ответы пришли в период с 8 по 23 октября. На октябрь 1813 г. в пензенской губернии содержалось следующее количество нижних чинов: в Пензе – 2 унтер-офицера, 12 рядовых, в Мокшанске – 1 унтер-офицер, 2 рядовых, в Саранске – 1 унтер-офицер, 7 рядовых, в Городище – 4 унтер-офицера*, в Чембаре – 14 унтер-офицеров и 181 рядовой, всего – 22 унтер-офицера и 202 рядовых. Особую ценность этим спискам придают следующие данные о пленных – возраст, национальность, полк, место и время пленения. Анализ этих данных - тема для отдельного исследования. Донесение со сводной ведомостью было отправлено в Санкт-Петербург 28 октября¹⁴.

В начале ноября из Тамбова поручик Санкт-Петербургского ополчения Серебряков привел очередную партию военнопленных. Она насчитывала 4 штаб-офицера, 29 обер-офицеров, 11 нижних чинов. Из них баденцев: 3 штаб-офицера (майоров Карла Вицеля, Карла Нусбаумера и Фридриха Вюртля), 8 обер-офицеров, 3 нижних чинов предписано было оставить в Пензе, а остальных отправить в Симбирск¹⁵. Однако, из «симбирцев» в Пензе за болезнью остались полковник Марк ле Трезорьер и один служитель¹⁶.

18 ноября штабс-капитан Милковский донес губернатору о прибытии партии пленных из Смоленска. При проходе через Брянск из партии отлучились хорватский поручик Сливрич и французский рядовой Буфа, в Орле пропал рядовой Сиень, а в Воронеже остались за болезнью 1 офицер и 2 рядовых. Таким образом, до Пензы дошли 1 штаб-офицер, 6 обер-офицеров, 126 нижних чинов, 8 женщин и 2 малолетних мальчика¹⁷. Прибывшим было куплено зимней одежды на 382 руб. 75 коп., после чего 23 ноября 90 нижних чинов и 4 женщины убыли в Краснослободск¹⁸.

Последние пленные прибыли в губернию уже в следующем, 1814 году, когда были освобождены военнопленные германских государств. 26 января [264] дворянский заседатель Станевич сообщил о приходе отправленных из Орла в Пензу 3 обер-офицеров и 103 нижних чинов, в т.ч. 4 женщин. И здесь не обошлось без потерь: при отъезде из Тамбова не досчитались 4 рядовых. В тот же день все были отправлены в Мокшанск, куда прибыли 30 января¹⁹.

* В том числе сержант 1-го гренадерского полка Старой гвардии Игнат Мире, взятый в плен 19 сентября 1812 г. под Сморгонью.

В связи с распространением заразных болезней, источником которых являлись сами пленные, весной 1813 г. по местам прохождения военнопленных для оказания помощи больным и консультирования уездных врачей был направлен инспектор пензенской врачебной управы²⁰. Врачей в провинции, кроме губернских городов, явно не хватало, поэтому эту проблему российские власти пытались решить за счет пленных лекарей. В ответ на предписание Вязмитинова от 1 апреля 1813 г. у двух офицеров-медиков, Пасто и Вало, были отобраны письменные отзывы, хотя ли они вступить в российскую службу²¹. Судя по всему, такого желания они не высказали.

Находясь в России, пленники имели возможность поддерживать связь с родиной. Переписка военнопленных была строго регламентирована. Сначала письмо из-за границы поступало в Санкт-Петербург, потом, после проверки в Министерстве полиции, отсылалось губернатору по месту жительства пленного, оттуда направлялось в город проживания, а уездное начальство донесением губернатору подтверждало факт передачи письма. Обратное письма шли по той же цепочке: уезд - губернский город - Санкт-Петербург - родина пленного. В случае пересылки с письмами денег, от пленных требовались расписки в получении, которые также отправлялись в Санкт-Петербург. Таким образом, в Пензенской губернии письма получили пленный капитан Ландсберг (2, в т.ч. 1 письмо с 500 руб.), обер-лейтенант Майер, лейтенант Матье (2), лейтенант Кампгаузен (5, в т.ч. 1 письмо с 770 руб.), барон Еудорф, курьер Изидорс, лейтенант Гейст²².

Был и другой способ доставки писем. Императрица Елизавета Алексеевна, в прошлом - баденская принцесса, готова была помочь своим бывшим соотечественникам. Через нее, минуя проверку, получали письма баденцы капитан фон Цех, капитаны братья Шварц, лейтенант Фриш, капитан Фишер, хирург Буркхардт, шеф батальона фон Ламерц, лейтенант Гофман²³.

Однако не все действовали законными методами. Так, в пензенской губернской почтовой конторе были перехвачены два письма для военнопленных, поступивших с обычной почтой. Первое - на имя пензенского портного Франца Егетмайера с передачей капитану Цеху, второе - на имя капитана Медовщикова с передачей капитану Боно. Оба письма с секретным донесением были переданы губернатору и до адресатов не дошли²⁴.

[265] Письма писали и сами пленные - капитан Ландсберг, лейтенант Брака, курьер Ламберт. Последний, кроме письма, отправил в Париж вексель на 112 рублей²⁵.

13 сентября 1813 г. в Пензу поступили 7035 рублей из Герцогства Баденского для находящихся здесь баденских пленных. Деньги были вручены под расписку капитану Фишеру для раздачи²⁶. 885 рублей из этой суммы были им отправлены по почте в Саранск на имя лейтенанта Губаура. Местный полицмейстер проявил бдительность и, так как не имел никаких сведений на этот счет, арестовал эту сумму до особого распоряжения губернатора выдать деньги²⁷. 12 ноября капитан Фишер получил от неустановленного адресанта в Санкт-Петербурге еще 785 рублей²⁸.

Фуртенбах особо отмечает помощь, полученную баварцами с родины, от принцессы Амалии Баварской, как сказано в примечаниях к его запискам - дочери баварского короля Максимилиана I. В сентябре 1813 г. автор получил 76 руб. 92 коп.²⁹ На самом же деле деньги поступили от принцессы Амалии Баденской - сестры императрицы Елизаветы Алексеевны, жившей в России. Возможно, впрочем, что она действовала по просьбе баварских властей. Еще 25 июля 1813 г. особенная канцелярия Министерства полиции разослала соответствующее предписание губернаторам. К предписанию был приложен и список баварских офицеров с указанием назначенной каждому суммы, в котором значится и поручик «барон Фридрих Вильгельм Фюрстенбах»; по всей видимости, это и есть наш герой.³⁰ Йелин также пишет о деньгах (по 25 рублей ассигнациями) полученных 6 ноября 1813 г. многими пленными через полицию. Мемуарист предполагает, что это была помощь от императрицы Марии Федоровны. Однако ему самому не досталось ничего. Причину этого он видел в несовершенстве учета пленных, поскольку его писали в

документах то как баварца, то как вюртембергца, то как офицера 4-го баденского гусарского полка.³¹ Однако, в некоторой степени это было компенсировано тем, что при возвращении на родину, уже весной 1814 г. в Белостоке, Йелин получил помощь от императрицы-матери дважды (26 апреля – 40 руб. и 23 мая – 20 руб.).³²

В прошениях, которые подавали военнопленные администрации, высказывались разнообразные просьбы. Шеф батальона Ламерц просил о переводе своего служителя из Саранска в Краснослободск³³. Аналогичные просьбы писали майор Вундт³⁴, капитан Шварц, лейтенанты Фриг, Гофман и Гиеронимус³⁵, лейтенант Мейер³⁶. Все они были удовлетворены властями. Совсем другим был результат, когда пленные требовали повышения денежного содержания. Так, французские капитаны Кутло и Эмон хотели получать ежедневно 1 руб. 50 коп., т.к. служили в гвардии³⁷. [266] Майор Обермайер добивался преимущества, указывая, что в армиях немецких государств чин майора выше подполковника³⁸. Однако, им было отказано. Единственный, кому плата была увеличена – майор Вундт, и то после подтверждения тамбовского губернатора, что до выхода того из Тамбова он получал запрашиваемую сумму³⁹.

В августе 1813 г. вестфальский лейтенант Фридрих Мендель написал прошение о желании вступить в Российско-Германский легион, т.к. узнал, что там служит его брат⁴⁰. После переписки губернатора с Санкт-Петербургом вопрос был решен положительно и 17 октября Мендель отправился из Краснослободска в Ригу. Ему были выданы 15 руб. на продовольствие и 132 руб. 77 коп. на прогоны⁴¹. В декабре туда же отбыл еще один будущий легионер – лейтенант Альберт Круземарк⁴².

Не всем пленным довелось дожить до освобождения. Так, умерли из-за болезней хирург Буркхард⁴³ и рядовой Луи⁴⁴, а рядовой Тюлье утонул во время купания в реке⁴⁵.

Ряд пленных выразил желание принять российское подданство. В пензенском архиве сохранились прошения лекаря Киво⁴⁶, су-лейтенанта Боле⁴⁷, унтер-офицера Дени⁴⁸. Однако Киво, приняв подданство в августе 1813 г., в сентябре 1814 г. возвратился в Отечество после соответствующего разрешения. Всего же из находившихся в Пензенской губернии пленных российское подданство приняли 10 человек: су-лейтенант Боле, унтер-офицеры Жерсе, Девисто, Дени, рядовые Батист, Виоль, Либероль, Колень, Мец, Брагир⁴⁹. Йелин в мемуарах также сообщает, что часто пленные получали предложения остаться в России, в частности в саратовских колониях, но отклоняли их.⁵⁰

Особенный интерес здесь вызывает личность унтер-офицера французского 11-го гусарского полка Луи Жерсе, попавшего в плен под Оршей 21 ноября 1812 г. По всем спискам он проходит как француз, но когда в 1816 г. правительство стало уточнять сведения о бывших военнопленных, принявших подданство России, о Жерсе было сообщено, что он – англичанин, так же была уточнена его фамилия (скорее всего исковерканная русской орфографией) – Чернией. Приняв присягу в Пензе в 1814 г., он вскоре переехал в Саратов, став приказным⁵¹.

В начале сентября 1813 г. на пути из Нижнего Новгорода в Саратов через Пензу проехал оставшийся в России австриец П. Каминский⁵².

Поведение пленников было подчас для местных властей источником беспокойства. Так, французский лейтенант Пино, испытывая личную неприязнь к находившемуся в Пензе дезертиру, лейтенанту Парису, 25 августа [267] 1813 спровоцировал ссору и вызвал Париса на дуэль. Местом дуэли был выбран лес недалеко от города. Парис запасся двумя саблями, которые он взял без позволения в домах у своих знакомых, поручика Конного полка Мартынова и частного пристава Кузьмина. Пино пришел с собственными пистолетами. Однако боя не состоялось, ему помешали местные жители, ставшие невольными свидетелями события, отнявшие у дуэлянтов сабли и не давшие пустить в ход пистолеты. Однако позже, уже после возвращения в город, Пино со своим секундантом все-таки устроил драку с Парисом недалеко от дома полицмейстера. Подоспевшие полицейские арестовали всех троих. На вопрос о пистолетах Пино ответил, что всегда держал их у себя, а порох и свинец для пуль купил у солдат, которые вели его в Пензу⁵³.

Тот же Парис, присланный под надзор полиции в Пензу еще в 1812 г., пытался вступить в российскую военную службу. Пензенский губернатор имел неосторожность весной 1813 г. написать донесение об его желании на высочайшее имя, минуя Министерство полиции, за что получил замечание от Главнокомандующего в Санкт-Петербурге Вязмитинова⁵⁴.

В середине июня 1814 г., незадолго до освобождения военнопленных, в пензенском обществе стали распространяться слухи, что французский подполковник Пион угрожал по возвращении домой убить нового французского короля Людовика XVIII. Это было серьезное обвинение, и делу был дан официальный ход. Проводивший расследование пензенский полицмейстер Кривков быстро выявил источник этих слухов. Им оказался подполковник российской службы Радольф, француз по происхождению, присланный в 1812 г. под надзор полиции в Пензу за отказ воевать против соотечественников. Тот подтвердил, что лично слышал эти угрозы от Пиона и в качестве свидетеля назвал учителя местной гимназии Галье. Однако Галье не подтвердил эту информацию. Сам Пион, подполковник Императорской гвардии и кавалер ордена Почетного легиона, клялся честью и так же отрицал все обвинения в свой адрес, объясняя донос желанием погубить его. Так как других свидетелей против Пиона не было, подозрения с него были сняты. Результаты расследования были 7 июля отправлены в Санкт-Петербург Вязмитинову⁵⁵. Насколько основательны были подозрения в отношении Пиона, сказать сложно, но свидетельство Ф.Ф. Вигеля, общавшегося с ним в Пензе говорит не в пользу француза. Пион, по его словам, солдатом участвовал еще в Египетском походе, являлся страстным поклонником французского императора и был лично известен ему. Вигель писал, что преданность Пиона Бонапарту «доходила до изуверства».⁵⁶

19 сентября 1813 г. краснослободский городничий отправил рапорт губернатору о пленном начальнике бюро госпиталей Жанвье Сципионе, [268] замечая того в неблагонамеренности к России и считая, что за ним нужен особенный присмотр. Т.к. наблюдение за пленными вели местные инвалиды, не знавшие французского языка, городничий просил перевести Сципиона в другой город. 6 октября последовало распоряжение о переводе Сципиона в Городище, куда тот прибыл 21 октября⁵⁷. На новом месте он, по крайней мере до середины декабря, не получал денежного довольствия и испытывал нужду в пропитании⁵⁸. Факт неожиданной отправки Сципиона из Краснослободска в начале октября 1813 г. подтверждает в своих записках и Фуртенбах, который жил вместе с ним. Он пишет, однако, что причина и место, куда был переведен пленник, остались ему и его товарищам неизвестны.⁵⁹

6 ноября 1813 г. в Пензу поступило распоряжение Особенной канцелярии Министерства полиции № 4006 от 17 октября об освобождении пленных баварцев и отправлении их в Радзивиллов⁶⁰. 10 ноября губернатор разослал городничим ордера о присылке баварцев в Пензу. К 1 декабря в городе были собраны баварские 2 штаб-офицера, 8 обер-офицеров (в т.ч. Фуртенбах), 5 нижних чинов. 4 рядовых дожидались в находящемся на пути в Тамбов Чембаре⁶¹. Для пленных была закуплена зимняя одежда на 697 руб. 50 коп., и 2 декабря они тронулись в путь в сопровождении квартального надзирателя Васильева, 16 декабря придя в Тамбов⁶².

25 ноября и 9 декабря были получены распоряжения от 11 и 28 ноября об освобождении соответственно вюртембергцев и военнопленных Рейнского союза⁶³. Для 8 вюртембергских рядовых было куплено одежды на 338 руб. 20 коп., 16 офицеров получили на одежду по 54 руб. 70 коп., а 44 обер-офицера Рейнского союза - по 100 руб.⁶⁴ После 25 декабря в сопровождении дворянского заседателя Станевича из Пензы вышла партия в числе 4 штаб-офицеров, 3 докторов, 52 обер-офицеров, 38 рядовых, благополучно достигнув Тамбова 4 января.⁶⁵ В этой партии, кроме Йелина и Зодена, находился еще один мемуарист – вестфальский сержант Флек. Его мемуары вышли в 1845 г. только под фамилией, теперь же по спискам пленных можно установить его имя или одно из имен – Луи (очевидно – Людвиг).⁶⁶

Следующее распоряжение № 134 от 14 января 1814 г. об освобождении пленных, касавшееся всех германцев, а так же подданных Далмации, Кроации и голландцев из немецких земель, поступило 26 января.⁶⁷ В Пензе собрались 5 обер-офицеров и 57 нижних чинов разных национальностей. 21 февраля они, вместе с квартальным надзирателем Дьячковым, отправились в путь.⁶⁸

1 июня 1814 г. в Пензу пришло долгожданное для многих распоряжение № 1505 от 13 мая об освобождении всех без изъятия пленных⁶⁹. Еще [269] через два дня от Тамбовского губернатора поступила просьба направлять чиновников для сопровождения пленных сразу до места назначения, а не только до Тамбова, чтобы избежать скопления там людей и задержек в пути⁷⁰. 11 июня последовало распоряжение губернатора в адрес городничих о формировании партий освобождаемых пленных.

19 июня под надзором штабс-капитана Фомичева из Пензы в Радзивиллов выступила партия итальянцев в числе 7 обер-офицеров, 29 нижних чинов, 3 женщин и 2 детей.⁷¹

К моменту освобождения французы находились в следующих городах: в Пензе – 4 штаб-офицера, 23 обер-офицера, 35 нижних чинов, 2 женщины; в Городище – 1 штаб-офицер, 17 обер-офицеров (в т.ч. 3 швейцарца), 1 унтер-офицер; в Мокшанске – 9 обер-офицеров, 89 нижних чинов (в т.ч. 9 голландцев), 3 женщины; в Краснослободске – 14 обер-офицеров, 64 нижних чина, 4 женщины; в Керенске – 30 обер-офицеров; в Чембаре – 129 нижних чинов (в т.ч. 12 голландцев и 5 швейцарцев)⁷²; всего – 5 штаб-офицеров, 93 обер-офицера, 318 нижних чинов, 9 женщин.

6 обер-офицеров - Сегюр, Бонифас, Венсант, Люириис, Перотень и Шевре - объявили желание отправиться в Отечество за свой счет, в связи с чем им была вручена подорожная и они отправились в путь раньше других в сопровождении унтер-офицера Анисимова.⁷³

Остальные, кроме больных лейтенантов Оливье, Комбье и Фаррень, а так же остающихся на жительство пленных, были сгруппированы в Пензе (205 чел.) и Мокшанске (215 чел.).⁷⁴ Точный срок выхода партии из Мокшанска установить не удалось, а вторая партия из Пензы вышла 8 июля с подпоручиком Мишовым.⁷⁵

Лейтенант Фаррень, выздоровев в мае 1815 г., долго добивался возвращения домой, но, очевидно в связи с событиями во Франции, его выезд задержался до января 1816 г.⁷⁶ Каким-то образом угодивший под надзор полиции лейтенант Комбье и лекарь Оливье изъявили желание остаться в России, однако в просьбе им было отказано. В феврале 1816 г. они были отправлены в Белосток.⁷⁷ Даже в сентябре 1816 г. под присмотром пензенской полиции числился дезертир лейтенант Парис.⁷⁸

Анализ мемуаров воинов армии Наполеона, побывавших в Пензенской губернии, позволяет осветить ряд сюжетов, связанных с пребыванием пленных на территории Российской империи. Это в первую очередь восприятие ими России и русских, взаимоотношения с различными социальными и национальными группами российского населения, с губернской и уездной администрацией, а также общие условия содержания пленников. [270] В данной статье мы умышленно опустим общие рассуждения о России, русском народе, его характере, нравах и обычаях, - поскольку это предмет для отдельного детального исследования, – и сосредоточимся на анализе конкретных впечатлений, четко привязанных к определенной местности и времени. Такой подход имеет два преимущества. Первое состоит в том, что при наличии «параллельных» в хронологическом и географическом отношении текстов излагаемые мемуаристами факты мы можем сопоставлять между собой. Второе обусловлено возможностью перепроверки и дополнения мемуарных свидетельств с помощью архивных материалов, в первую очередь провинциальных. Мемуары по военнопленным в Пензенской губернии обеспечивают возможность реализации подобного подхода.

Для начала несколько слов о пленных-мемуаристах, побывавших в Пензенской губернии. Сохранились несколько мемуаров военнопленных, побывавших в Пензенской губернии.

Французский шеф эскадрона, родившейся в Ганновере Карл Христиан Людвиг Шенк фон Винтерштедт был отправлен в Саратов, и там его застал приказ из столицы об отправке вестфальских и ганноверских пленных в Петербург, куда он и был вместе с другими отправлен по маршруту, который огибал Москву с севера, то есть через Нижний Новгород, Кострому и Ярославль. Из Саратова Шенк выехал 16 мая 1813 г. и через несколько дней прибыл в Пензу, где и пробыл два дня.⁷⁹

Поздней осенью 1812 г. врач 1-го класса 10-го гусарского полка армии Великого герцогства Варшавского С.Б. Пешке тем же «северным» маршрутом был отправлен внутрь России и провел четыре дня в Пензе.⁸⁰

Обер-лейтенант 5-го баварского полка линейной пехоты Фридрих фон Фуртенбах (1779-1856) прибыл в Пензу 26 августа 1813 г. А 1 сентября был отправлен оттуда в уездный город Краснослободск, куда и прибыл 5 сентября.⁸¹ Дата прибытия Фуртенбаха в Пензу, которую он приводит, с учетом разницы старого и нового стиля лишь на один день отличается от той, которая фигурирует в официальных русских документах (13 августа). Вполне возможно, что Фуртенбах сделал запись в дневнике на следующий день после прибытия. А может быть предписания о распределении пленников по городам были даны накануне прихода партии, если списки пленных у губернатора уже были. Так что Фуртенбах мог прийти в Пензу 14(26) числа, как он и сам написал. В октябре он совершил небольшое путешествие в Вольск, уездный город Саратовской губернии.⁸² А 26 ноября 1813 г. после получения предписания об освобождении баварцев, отправился обратно в Пензу, 30 ноября прибыл туда, и пробыв в городе две недели, 16 декабря выехал в Тамбов, куда приехал 25 декабря.⁸³ Впрочем, [271] в официальных документах, как упомянуто выше, датой отъезда из Пензы считается 2 декабря (то есть 14 по новому стилю), а датой приезда в Тамбов 16 декабря (28 по новому стилю). Разница в 2-3 дня может объясняться тем, что распоряжение об отправке было дано на два дня раньше реального отъезда, а данные о прибытии отразились в документах лишь через три дня.

Мы располагаем двумя вариантами воспоминаний Фуртенбаха. Судя по тексту, оба они основаны на дневниковых записях автора. Это видно хотя бы по тому, как автор точно приводит даты и названия населенных пунктов, через которые он проходил. Один из вариантов («Война против России и русский плен. Заметки обер-лейтенанта Фридриха фон Фуртенбаха 1812-1813 годов») опубликован его родственником, майором Фридрихом Фуртенбахом в 1912 г. (он снабжен предисловиями и примечаниями). Это, по-видимому, наиболее близкий к первоначальному дневниковому тексту вариант. Вместе с тем, еще в 1831-1832 гг. вышел двухтомник «Воспоминания о русском плене двух немецких офицеров», подготовленный к печати Францем Зоденом. Первая часть была анонимной. Но при сравнении ее с «Заметками» Фуртенбаха выясняется, что оба текста почти идентичны. Текст 1831 года представляет собой литературно обработанный вариант «Заметок» (точнее первоисточника, положенного в их основу), очевидно специально подготовленный для печати. При переработке была облегчена стилистика текста, произведена перекомпоновка фрагментов, что обеспечивало более логичное изложение материала, текст был разбит на главы, некоторые сюжеты дополнены подробностями, по всей видимости воспроизведенными мемуаристом по памяти. Однако в целом характер и направленность текста не претерпели изменений.⁸⁴

Еще один мемуарист – сержант вестфальского егерско-карабинерного батальона Флек. В своих мемуарах, которые он вероятнее всего писал по памяти спустя некоторое время после возвращения из плена, Флек весьма приблизительно указывает хронологию событий. Маршрут, описанный Флеком, также выглядит несколько странно. Из Саратова, он вместе с партией пленных был отправлен по Волге и после двухнедельного путешествия вместе с другими пленными был высажен на берег недалеко от Нижнего Новгорода. Через три дня партия получила предписание двигаться в Пензенскую губернию, куда Флек и прибыл в конце декабря 1813 г.⁸⁵ В начале февраля 1814 г., как пишет Флек, власти Пензы получили предписание об освобождении части немецких

пленных. Отправка партии задерживалась, так как ждали прибывающих из других городов. Ждать пришлось более двух недель.⁸⁶ Однако в действительности все эти события происходили в декабре 1813 г. Как уже упоминалось выше, [272] предписание об освобождении пленных вестфальцев, в числе прочих подданных Рейнского союза, было получено в Пензе 9 декабря. Известно, что в декабре 1813 г. здесь собрали немцев, которых после 25 декабря отправили в Тамбов в сопровождении дворянского заседателя Станевича, куда они прибыли 4 января 1814 г.⁸⁷ Среди них в списках значится вестфальский сержант Луи Флек, записанный как конный карабинер⁸⁸, хотя у вестфальцев такого рода войск не было. Был один батальон пеших егерей-карабинеров, к которым и относился мемуарист, так что, вероятнее всего в списках упомянут именно Флек-мемуарист, а не его однофамилец. По всей видимости, Флек, писавший воспоминания через много лет после событий, перепутал даты, и переместил события, происходившие в декабре 1813 на февраль 1814 г.

Наконец, в Пензенской губернии провели весь плен еще два вюртембергских мемуариста, находившиеся в одной партии – обер-лейтенант вюртембергского 4-го полка линейной пехоты Юлиус фон Зоден и обер-лейтенант вюртембергского 2-го полка линейной пехоты Кристоф Людвиг фон Йелин (1787-1861).

Мы располагаем двумя произведениями Йелина, дневником и мемуарами. Дневник был опубликован в 1910 г. Пребыванию в Пензенской губернии автор посвятил 11 страниц. Согласно дневнику партия прибыла в Пензу 29 июня 1813 г. (Это совпадает с архивными данными (18 июня), с разницей в 1 день). Через 18 дней он вместе с Зоденом и другими пленными офицерами был отправлен в Саранск.⁸⁹ 16 декабря 1813 г. вюртембергцам в Саранске было объявлено об освобождении, 24 декабря они выехали в Пензу, куда и прибыли на следующий день. Наконец 8 января 1814 года по новому стилю пленники покинули Пензу и 16 января прибыли в Тамбов.⁹⁰ Дата прибытия партии в Тамбов полностью совпадает с архивными данными. Однако еще в 1817 г. были опубликованы анонимные воспоминания «Достопамятные дни моей жизни. Поход и плен в России. Из дневника немецкого офицера». Сравнение текста дневника Йелина с этими воспоминаниями позволяет сделать вывод о том, что автором «Достопамятных дней...» также был Йелин. Текст, опубликованный в 1817 г. почти полностью включает в себя текст дневника, опубликованный в 1910 г. Исключение составляют лишь списки офицеров, с которыми был в плену автор (в числе бывших с ним в Саранске пленных, Йелин называет и Зодена). Вместе с тем, текст 1817 г., посвященный пребыванию в Пензенской губернии, существенно больше по объему – 32 страницы. Увеличение объема достигнуто за счет многочисленных подробностей в описании событий плена, а также нравов и обычаев народов России, с которыми автор [273] познакомился в плену. К публикации 1817 г. приложены и авторские зарисовки, некоторые из которых посвящены пребыванию в плену.⁹¹ Сопоставляя тексты обоих изданий, следует отметить одну деталь, касающуюся хронологии. Согласно варианту 1817 г. пленные выехали из Саранска не 24, а 21 декабря, и это более правдоподобно с учетом того, что прибыли они в Пензу 25 декабря, а летом из Пензы в Саранск дорога протяженностью около 120 верст (по карте 1833 г.) заняла несколько дней.⁹² Что касается содержательной стороны, то стоит отметить: мемуары, очевидно рассчитанные на публику, содержат больше негатива в отношении России и русских, нежели дневник. Хотя в целом и по мемуарам Йелина положение пленников рисуется вполне благополучным.

Наконец, несколько слов о воспоминаниях Зодена, изданных им самим или его родственником в составе упомянутого уже двухтомника в 1832 г.⁹³ Зоден прибыл в Пензу 29 июня 1813 г. (так же как и Йелин). Зоден называет и точную дату отъезда из Пензы в Саранск (он зашифрован как «С...к») – 16 июля, и прибытия туда – 18 июля. В качестве даты отъезда из Саранска в Пензу Зоден называет 20 декабря (на один день раньше Йелина), а в качестве даты прибытия туда – 27 декабря (на два дня позже).⁹⁴ Зато дата

отъезда из Пензы и прибытия в Тамбов – соответственно 8 и 16 января – совпадают с показаниями мемуаров и дневника Йелина.⁹⁵

Наиболее подробно описал Пензу Йелин. Он отмечает, что город расположен в приятной местности, он вытянут в длину, большинство улиц немоощные. Отмечает Йелин и наличие извозчиков, которые за небольшую плату могут доставить желающих в любое место города. Обратил он внимание также на кафе и бильярдные, которые, впрочем, находились «на самом низком уровне и очень простые». Посещение бильярдной настолько поразило Йелина, что он даже зарисовал ее, приложив рисунок к мемуарам 1817 г. издания. Бильярдная представляла собой закопченную комнату с плохо вычищенными светильниками, развешанными по стенам вокруг стола. Стол был затянут синим сукном, а многочисленные дырки были закрыты зелеными заплатками, пришитыми белыми нитками. Под стать заведению был и маркер - маленький некультурный человек, - и общество игроков, над которым пленники, покинув заведение, долго смеялись. Упомянул мемуарист и о том, что жители Пензы более вежливы по сравнению с населением других местностей. Квартиры в Пензе были хорошие, Йелин и члены его «артели», в частности, получили большую красивую комнату.⁹⁶ Впрочем, качество квартир, по-видимому, во многом объяснялось наличием места, а не статусом постояльцев. Йелин в мемуарах отмечал, что на обратном пути, уже после получения свободы, [274] в Пензе он и его товарищи имели квартиры гораздо худшие, чем когда прибыли туда в качестве пленных.⁹⁷

Фуртенбах пишет, что пленные офицеры, с которыми он приехал, были расквартированы в отдаленном пригороде. Сам он жил у бедных, старых, но добрых людей. Вообще, по его впечатлениям, город был наполнен пленными офицерами, преимущественно баденцами и бергцами. Он также подробно описывает город, отмечая его красивое расположение, множество домов дворян, в которых они живут зимой, театр с хорошими декорациями, множество садов.⁹⁸

Зодену Пенза понравилась гораздо больше чем Тамбов. Здесь было больше образованных и знакомых с немецкими обычаями людей. По его мнению, Пенза отличается от всех виденных им ранее русских городов тем, что «похожа на милый немецкий город». И квартиры в Пензе были намного лучше, чем в Тамбове. Отметил мемуарист и дешевизну продуктов.⁹⁹

Пешке наоборот жаловался на неудобные квартиры. Город он не рассмотрел по причине плохой погоды.¹⁰⁰ О плохих и грязных квартирах говорит также Шенк. Город показался ему по сравнению с Саратовым очень маленьким. Кроме губернаторского дома мемуарист не заметил ни одного здания, которое показалось бы ему красивым. Однако, как и другие мемуаристы Шенк посетил и описал лошадиный рынок.¹⁰¹ Флек, как и Шенк, отметил почти полное отсутствие в городе красивых зданий, а также подчеркнул дешевизну продуктов на местном рынке (дешевле, чем в Саратове).¹⁰² Рассматривая эти характеристики, стоит отметить, что и Шенк, и Флек прибыли в Пензу из Саратова – крупного приволжского торгового города, в сравнении с которым Пенза явно поигрывала. А Йелин, Зоден и Фуртенбах прибыли из переполненного пленными и войсками небольшого Тамбова, который выполнял роль транзитного пункта на пути пленных и в сравнении с которым Пенза выглядела гораздо более привлекательно.

Понравились мемуаристам также и уездные города, где они провели большую часть времени плена – Краснослободск и Саранск. В Краснослободске пленные были распределены на квартирах по двое. И как отмечал Фуртенбах, регулярно получали деньги в медной монете. Мемуарист пишет, что он со своим товарищем по фамилии Сципио (в русских документах Сципион) были поселены у красильщика. Они жили в маленьком отдельном домике со светлой комнатой. В доме была печь с трубой, подвал и коридор. Хозяева были славные и услужливые. Вместе с другими пленными Фуртенбах входил в «артель», которая была создана для совместного [275] ведения хозяйства, что

давало большую экономию. Мемуарист был там поваром. Как и другие мемуаристы, Фуртенбах отмечает дешевизну продуктов.¹⁰³

Оказавшиеся в Саранске пленники также отмечали необычайно низкие цены на продукты. Так что, если они не были приглашены на обед к кому-нибудь из местных жителей, то готовили сами. Постепенно бытовая жизнь пленных пришла в норму: они приобрели себе белое белье, избавились от досаждавших насекомых.¹⁰⁴ Саранск понравился Зодену, который отметил наличие в городе множества церквей с красивыми куполами. Зоден вместе с товарищами попал на квартиру к молодому хозяину, у которого пленники хотя и не нашли дружеского приема, но зато получили более просторное и чистое помещение чем в Тамбове.¹⁰⁵ Зоден также отмечает, что в Саранске были очень дешевые продукты. Кроме того, в целях экономии средств, пленные объединялись в «артели» по три-четыре человека, которые вели совместное хозяйство.¹⁰⁶ Денег хватало даже на чай, кофе и походы в кабак.¹⁰⁷

Таким образом, опираясь на свидетельства мемуаристов материально-бытовые условия пребывания пленных в Пензенской губернии можно оценить как вполне благоприятные. Все мемуаристы единодушно отмечали необыкновенную дешевизну продуктов в губернии.

Особая группа сюжетов в мемуарах пленных – их взаимоотношения с местными властями. Наутро после приезда Шенк и его товарищи были «очень дружески» приняты губернатором Голицыным, который угостил их хорошим завтраком и познакомил с новостями из армии, которые, впрочем, оказались ложными.¹⁰⁸ Как пишет Зоден, по прибытии в Пензу по некоторым обстоятельствам пленные заключили, что администрация здесь более вежливая и участливая. После прибытия пленные офицеры нанесли визит губернатору князю Голицыну и были приняты вежливее, чем могли бы ожидать в своем положении в отдаленной русской области.¹⁰⁹ Пензенский полицмейстер Иван Васильевич, по мнению Фуртенбаха, – любезный, воспитанный человек.¹¹⁰ Фуртенбах также пишет, что при отправлении из Пензы на родину пленные были представлены губернатору Голицыну. Все пленные были снабжены при отправке зимней одеждой.¹¹¹

Впрочем, отношения пленников с губернской администрацией были омрачены финансовым конфликтом. Известно, что циркулярным предписанием от 2 октября 1813 г. Министерство полиции сообщило о том, что Комитет министров, «соображаясь с человеколюбивыми правилами его императорского величества», принял решение о необходимости выделения офицерам по 100 рублей на одежду.¹¹² Это стало известно пленникам. Согласно мемуарам Флека, при освобождении пленным было объявлено, что император Александр пожаловал пленным по 100 руб., нижних чинов полагалось снабдить зимней одеждой, а офицерам предоставить также экипаж. Однако, сообщает далее Флек, губернатор отказал нескольким офицерам в выплате [276] указанной выше суммы.¹¹³ Об невыполнении Голицыным этого предписания пишет и Йелин. Узнав, что пленные должны были получить при отъезде по 100 рублей, они обратились к губернатору через посредство жившего в Пензе весьма уважаемого немецкого портного. Сначала ответа не последовало, однако после настойчивых просьб пленники получили только по 50 рублей со ссылкой на то, что теперь они возвращаются на родину и деньги им не нужны. Однако один иллирийский офицер, понимавший немного по-русски, сообщил им позднее, что на самом деле они расписались не за 50, а за 100 рублей, из которых половина, как считает Йелин, попала в карман губернатора.¹¹⁴ О том, что приказ о выплате пленникам по 100 рублей был выполнен не в полной мере, сообщает и Зоден.¹¹⁵

Сложно сказать, каковы были мотивы поведения кн. Голицына. Однако стоит обратить внимание на два обстоятельства. Никто из мемуаристов не указывал, что помянутая сумма была предназначена офицерам на одежду; они воспринимали выплату денег как некий подарок императора. А между тем, в мотивировочной части предписания говорилось, что Комитет министров решил выделить деньги «пленным обер-офицерам, которые получают только по 50 копеек в день на свое содержание и, не имея способов одеть себя, пожелают

воспользоваться пособием на то от правительства».¹¹⁶ И хотя в постановляющей части, обращенной к губернаторам, никаких оговорок относительно ограничения в выдаче денег не содержалось, можно предположить, что Голицын по-своему интерпретировал текст предписания, решив выдавать деньги лишь нуждающимся в одежде офицерам, что и вызвало недовольство. Факт выдачи некоторым пленным офицерам не по 100, а по 50 с небольшим рублей, подтверждается и уже приведенными выше архивными документами, наличие которых позволяет снять с губернатора подозрения в коррупции.

Зато уездная администрация Краснослободска и Саранска произвела на пленных самое благоприятное впечатление. Хотя городничий в Краснослободске, где жил Фуртенбах, был строгий и пунктуальный и внушал страх всему городу, мемуарист не осуждает его, замечая, что «при этом народе нужно быть строгим и серьезным».¹¹⁷ Пленные в Краснослободске имели возможность гулять по городу и даже выходить за его пределы, но не далее версты и небольшими группами. Ежедневно утром и вечером их посещал унтер-офицер из местной воинской команды, который контролировал не только наличие пленных на месте, но и принимал от них жалобы и просьбы.¹¹⁸

Полицмейстер в Саранске, по словам Йелина, был славный человек, подготовивший заранее для пленных хорошие квартиры. На следующий [277] день после приезда несколько пленных офицеров решили нанести ему визит. Старый француз-губернер вежливо принял визитеров и, сообщив, что хозяин в отъезде, обещал доложить о посещении. Через несколько дней полицмейстер вызвал пленных, «превосходно» принял их и пригласил к обеду.¹¹⁹ Йелин пишет в мемуарах, что в другом уездном городе, как он потом узнал, полицмейстер был грубиян и допускал неподобающее обхождение с пленными со стороны крестьян. Какой именно город имел в виду Йелин, и насколько достоверны эти сообщения, сказать нельзя.¹²⁰ Описание визита к полицмейстеру у Зодена несколько отличается. Он упоминает только об одном посещении, губернёр в его рассказе превращен в домоправителя, а самого хозяина он «производит» в чин полковника или генерал-майора. Но в целом визит к полицмейстеру и обед у него произвели на Зодена также самое благоприятное впечатление. Особо отмечает он, что жена полицмейстера с большим участием относилась к пленникам.¹²¹ Лишь к концу пребывания в Саранске от немецких офицеров потребовали подписку о том, что они не уйдут из плена. Впрочем, ее они дали охотно, поскольку понимали, что добраться до Германии «от границы Азии» довольно сложно. Кроме того, пленники помнили, каким жестоким наказанием еще во время пребывания их в Минске подвергались те, кто пытался бежать.¹²²

Весьма удачно складывались отношения у пленных и с местным населением, в первую очередь с благородным сословием. Под вечер на улице двое жителей Пензы познакомились с Шенком и его товарищами, узнали, кто они, и пригласили к себе в гости. Вечером четверка лошадей подъехала к квартире пленников и отвезла их в дом «господина Шереметева» (не графа), где собралось изысканное общество. «Мы забыли здесь снова наше печальное положение, остались на ужин и провели в этом кругу несколько очень приятных часов», - пишет Шенк.¹²³

Хороший прием, оказанный пленным офицерам в доме у полицмейстера в Саранске, послужил своеобразным сигналом для местного дворянского сообщества. Как пишет Йелин, ни одни именины или семейное торжество не обходилось без пленных. В свою очередь и простой народ в обхождении с пленниками был вежлив, редко проходя мимо них, не поздоровавшись.¹²⁴

Для характеристики отношения местного дворянства к пленным офицерам показательна история небольшого конфликта с двумя русскими офицерами, жившими в своих поместьях, рассказанная Йелиным в мемуарах. Он произошел на приеме у полицмейстера Саранска и был вызван тем, что девушки все время танцевали с пленниками, явно игнорируя соотечественников. [278] Последние попытались выяснить с соперниками отношения, однако вынуждены были уступить и удалиться после того, как девушки заявили, что им приятнее танцевать с офицерами, которые воевали за свое

отечество и продолжили бы при первой возможности сражаться, чем с теми, кто в тяжелый момент находится вне армии.¹²⁵

О хорошем приеме пленных в Саранске со стороны дворян пишет и Зоден. Мемуарист рассказывает, что во время ярмарки он и его товарищи познакомились с несколькими дамами-дворянками, с которыми у них завязалась дружба и которые приглашали немецких офицеров в гости к себе в поместье.¹²⁶ Позднее, при возвращении, эти дамы снабдили своих знакомых офицеров теплой зимней одеждой и даже предлагали хороший экипаж.¹²⁷ При отъезде пленников из Саранска местное дворянство очень сожалело об этом, устроило проводы и даже снабдило их деньгами для покупки меховой одежды.¹²⁸

Один из самых знаменитых русских мемуаристов XIX в. Ф.Ф. Вигель, живший в 1812-1814 гг. в Пензе, описывая праздник, состоявшийся в мае 1814 г. у губернатора, отметил, что туда были приглашены из соседних уездов и пленные французские офицеры. «Вечером слышались песни разных народов: тут были и русские песельники, и труппы тирольцев, итальянцев, славян и других, все набранные из пленных солдат разрушенной армии Наполеона».¹²⁹

Отмечая хорошее знание иностранных языков среди дворян и хорошие способности к обучению даже у простого народа, Йелин не преминул отметить весьма примитивные представления высшего российского сословия по вопросам географии и медицины.¹³⁰

Йелин отмечает, что особенной популярностью пользовались врачи, поскольку в городе не было ни врача, ни аптеки. Одному врачу даже настойчиво предлагали остаться в городе на выгодных условиях, впрочем он тоже не согласился.¹³¹ О большой популярности в Саранске пленных немецких медиков пишет и Зоден. Он сообщает также, что один офицер шутки ради стал выдавать себя за врача-однофамильца, также находившегося в Саранске.¹³² По архивным данным можно установить фамилию шутника. Им оказался баденский лейтенант Герман Клейн, а его товарищем по плену являлся вюртембергский хирург Эрнст Клейн.¹³³ Впрочем, однажды пациент отказался платить за услуги, так что пленным пришлось обращаться за помощью к властям.¹³⁴

Некоторых из пленных офицеров дворяне, как пишет Йелин, забрали к себе под предлогом обучения детей.¹³⁵ Фуртенбах пишет, что недалеко от Краснослободска, где он отбывал свой плен, находилось поместье [279] полковника Фалькенклау, родом из Курляндии. Он добился от городничего разрешения брать к себе на воскресенье по нескольку пленных. Приемом они были очень довольны. А после того, как Фуртенбах, применив свои медицинские познания, вылечил дочь полковника, тот испросил у городничего разрешение взять пленника с собой на несколько дней в поездку в город Вольск Саратовской губернии.¹³⁶ Приводимые Фуртенбахом сведения подтверждаются и архивными материалами, согласно которым, в июле 1813 г. проживающий в трех верстах от Краснослободска полковник Финкенкло (таково написание в документе) просил дать ему на квартиру одного немецкого офицера, что было разрешено 27 июля.¹³⁷ Однако фамилии этого офицера мы не знаем. Материалы ГАПО свидетельствуют о том, что пленников забирали к себе на жительство и другие представители местной элиты. У князя П.В. Долгорукого проживал французский рядовой Гильмир¹³⁸, у гвардии подпоручика Жукова – французские обер-офицеры Бонифас и Оливье¹³⁹, причем последний, врач по специальности, пожил и в доме надворного советника Алферьева¹⁴⁰.

Надо сказать, что такое внимание к пленным местное дворянство проявляло не смотря на то, что война 1812 г. способствовала развитию национального чувства в ущерб космополитическим настроениям дворянского сословия. Уже упомянутый Вигель писал: «Всю осень [1812 г.], по крайней мере у нас в Пензе, в самых мелочах старались выказывать патриотизм. Дамы отказались от французского языка. Пожертвование жестокое!.. Многие из них, почти все, оделись в сарафаны, надели кокошники и подвязки... Губернатор не мог упустить случая пощеголять новым костюмом: он нарядился, не зная с чьего дозволения, также в казацкое платье, только темно-зеленого цвета с светло-зеленой выпушкой. Из губернских чиновников и дворян все те, которые

желали ему угодить, последовали его примеру. Слуг своих одел он также на казачки...»¹⁴¹ Тот же мемуарист рассказывал, как патриоты перебили ночью окна в доме высланной из Волынской губернии гр. Рышевской, в то время как она вместе с двумя также высланными под надзор французскими подданными праздновала взятие французами Москвы.¹⁴² Правда, пик патриотических настроений приходился на осень 1812 г., в то время как приводимые нами свидетельства о положении пленных относятся к 1813-1814 гг.

О некоторой разнице настроений общества в 1812 и 1814 гг. можно судить по отношению самого Вигеля к пленным. Если в 1813 г. он старался избегать общества сосланных французов, «а еще более пленных», то к 1814 г. стал посещать их и принимать у себя. Сам мемуарист пишет, что он общался с пленными чуть ли не из жалости, чтобы служить для [280] них источником информации о событиях в Европе, поскольку никто не хотел «с ними водиться».¹⁴³ Однако с учетом вышеизложенных свидетельств представляется, что это не так: мотивом служила если не тяга к иностранцам, то по крайней мере любопытство. Особенно запомнился Вигелю упоминавшийся уже Пион, участвовавший в дуэли, будто бы угрожавший убить нового французского короля и которого мемуарист «произвел» в полковники. Язвительный Вигель со злорадством рассказывал рьяному стороннику Бонапарта об успехах союзных войск, а тот отчаянно спорил, объявляя новости выдумками журналистов. В конце концов они даже поссорились, но любопытство француза взяло верх и он явился к Вигелю за новостями, которые тот поначалу отказывался сообщать, но после уговоров не отказал себе в удовольствии изложить «с некоторою прекрасою».¹⁴⁴ Впрочем, такое поведение мемуариста скорее можно объяснить его желчным характером, чем общественными настроениями.

Как пишет Зоден, во время пребывания в Саранске, пленные перезнакомились почти со всеми жителями города. Для облегчения общения пленники взяли себе имена на русский манер - одного звали Петр Иванович, другого Николай Павлович. Если же простой народ и считал в душе пленников «язычниками», то дворянство и чиновники подавали ему пример в отношении к бывшим противникам, что было, по оценке мемуариста, в высшей степени гуманно и заслуживало всякого уважения.¹⁴⁵

Что касается простого народа, то Зоден отмечает, что при посещении ярмарки пленникам приходилось слышать от купца с длинной бородой или от пьяного попа крики «Француз!» или «Шельма, Францу!», на которые они, впрочем, не обращали особого внимания.¹⁴⁶ Зоден рассказывает также и о том, как русский купец обманул пленного офицера при обмене ассигнаций на серебро.¹⁴⁷ Весьма невысокого мнения, по словам Зодена, были пленники о моральном облике священников: слишком уж те были подвержены пьянству.¹⁴⁸

У Фуртенбаха сложились хорошие отношения в Краснослободске с хозяином дома, где он был первоначально размещен, красильщиком по профессии. Вечерами они вели беседы о русской истории (в частности о Пугачеве) и об охоте.¹⁴⁹

Иногда пленные позволяли себе подшутить над непросвещенностью русских. Йелин рассказывает, как не доходя до Пензы в кабаке они встретились с партией рекрут, которые шли на войну с французами. Один из рекрут имел 50-рублевую ассигнацию и чрезвычайно гордился этим. Пленные убедили его, что в Париже русские ассигнации не принимают, в результате чего рекрут отправился к владельцу заведения и поменял бумажные [281] деньги на серебро (надо думать, не без убытка для себя), не задумываясь или не зная, как едко замечает Йелин, что он находится по крайней мере в тысяче часов от Парижа.¹⁵⁰ Подобная шутка с рекрутами, объясняется, по видимому, историей, описанной Зоденом, который был с Йелиным в одной партии. Эпизод, рассказанный Зоденом произошел в районе Бахима, а ситуация, описанная Йелиным относится к более позднему времени. Зоден в частности пишет, что рекруты из двигавшейся навстречу партии, молодые люди, «будущие победители Наполеона», как язвительно замечает мемуарист,

завидя пленников, стали ругаться в их адрес и смеяться над ними. Пленные отвечали глубоким молчанием. Вдруг один из рекрут приблизился и сбил с головы кого-то из пленников шапку. «В мгновение ока, - пишет Зоден, - я схватил героя и позвал на помощь; однако его товарищи попытались его освободить и преуспели в этом». Тут в ситуацию вмешался конвойный офицер, было устроено опознание и виновный был тут же наказан сотней ударов, не смотря на все просьбы пленных пощадить его.¹⁵¹

Во время возвращения на родину с пленными произошли два неприятных инцидента. Йелин пишет, что при возвращении вечером домой на группу пленников напали в центре Пензы несколько человек, избili и попытались ограбить. На крики прибежало еще несколько пленных офицеров, которые доставили пострадавших домой. После этого спасители отправились домой и сами. Один из них подвергся нападению хозяина дома, причем получил несколько серьезных сабельных ударов и по состоянию здоровья был на некоторое время оставлен в городе. Несмотря на обещания администрации наказать виновника дело, как узнали потом пленные, было спущено на тормозах.¹⁵² Об этой же ситуации, хотя и несколько иначе, пишет и Зоден. Первую часть происшествия он опускает. Отношения же пострадавшего пленника с домохозяином, офицером ополчения, были, по словам Зодена, и до этого происшествия далеки от идеала: квартирант подвергался частым оскорблениям со стороны склонного к пьянству и агрессивного ополченца. Зоден приводит и причину конфликта – офицер был против того, чтобы квартирант держал в комнате собаку. Кроме того, Зоден упоминает, что пострадавшему помогли уже упоминавшиеся им знакомые дворянки и немец-доктор Эглау, который взял раненого к себе на квартиру.¹⁵³

Зоден упоминает, что когда пленные шли в Пензу, жители не разрешали пленным готовить в своих домах.¹⁵⁴ Он также отмечает, что хозяева квартиры в Саранске были категорически против курения пленными табака и пользования печью, однако после жалобы пленных властям вынуждены были позволить им эти «простые желания».¹⁵⁵ Ситуацию проясняет [282] рапорт мокшанского городничего губернатору, поданный весной 1814 г., в котором говорилось, что отправляющиеся на полевые работы жители опасаются оставлять в своих домах проживающих там военнопленных, опасаясь пожаров из-за неосторожного обращения тех с огнем. Обыватели готовы были сами построить близ города биваки для пленных, а городничий обязался поставлять туда дрова и посуду. Порядок в лагере должны были контролировать 3 солдата инвалидной команды. Однако губернатор не разрешил воплотить эти планы в жизнь, предписав оставить все как есть, а представляющих опасность пленных отправить на полевые работы.¹⁵⁶

Из приведенных материалов ясно, что ориентированное на европейскую культуру российское дворянство, не смотря на подъем патриотизма, более чем благосклонно относилось к пленным. Вместе с тем разница в культурных традициях основной массы населения и пленных европейцев создавала некоторые предпосылки к конфликтным ситуациям, хотя в целом отношения были вполне мирными.

Весьма важным сюжетом является и оказание помощи пленникам со стороны их соотечественников, проживавших в Пензе. Так, Флек писал, что в городе жили немецкий портной Альсдорф и сапожник Крахт. Они много помогали пленным немцам и именно им немецкие офицеры были обязаны своим сносным положением. В городе жила также немка-акушерка, которая кормила ежедневно нескольких пленных. Кроме того, в Пензе жили ружейник и аптекарь немецкого происхождения, но они, как пишет Флек, соотечественников не поддерживали. Альсдорф, содержащий к тому же трактир, предложил Флеку питаться у него в доме и помог ему с одеждой. Крахт же предоставил ему дешевую и прочную обувь. Эти двое немцев устраивали для пленных уроженцев германских государств маленькие праздники и санные прогулки.¹⁵⁷ Флек пишет также, что офицеры Великого герцогства Баденского довели до сведения герцога, какую помощь им оказывал портной Альсдорф. В итоге герцог наградил его орденом и ежегодным

содержанием, а «человеколюбивый» император Александр, будто бы со своей стороны пожаловал ему дворянство и поместье с пятьюстами крепостными.¹⁵⁸

Фуртенбах также отмечает помощь, которую оказывали пленным немцам соотечественники. Он называет портного родом из Бреттена (Баденское герцогство) по фамилии Энгертмайер. Он одевал всех пленных офицеров за свой счет, а баденцы получали от него и денежные пособия. Называет Фуртенбах и другого портного – уже упоминавшегося Альсдорфа (из Эрфурта), мать которого содержала трактир с дешевой едой [283] и хорошим пивом.¹⁵⁹ В более раннем издании 1831 г. Фуртенбах делает существенное дополнение – именно Энгертмейер был награжден великим герцогом баденским (о награде с русской стороны не сказано).¹⁶⁰

Йелин также отмечает в дневнике, что пленным соотечественникам очень помогал пензенский портной, баденский уроженец, который после завершения кампании по ходатайству бывших пленников удостоился награды от герцога баденского. Однако фамилии портного мемуарист к сожалению не называет.¹⁶¹ Впрочем, в более ранней публикации, собственно в мемуарах, он более подробно останавливается на этом сюжете. В частности он отмечает, что эта история получила огласку в немецкой прессе, и дает свой комментарий к этим публикациям. Йелин сообщает, что портной отнюдь не маленький горбатый человечек, как писали газеты, а обычный мужчина среднего роста, что он живет по соседству с губернатором и является по совместительству смотрителем его дома и таким образом имеет возможность, часто общаясь с главой губернии, ходатайствовать за своих соотечественников. Йелин считает, что портной «вероятно некоторым помог деньгами, которые, когда они получили помощь с родины, определенно были возвращены», что он не заслуживает той чрезмерной похвалы, которую ему воздают, поскольку так поступил бы каждый по отношению к своим соотечественникам. Йелин пишет также, что зять этого портного, тоже портной открыл казино и что-то наподобие закусочной или буфета, которую пленники охотно посещали. Эти сведения позволяют объяснить и некоторые противоречия в мемуарах Флека и Фуртенбаха, если предположить, что Альсдорф и Энгертмейер как раз и являются упомянутыми родственниками. Йелин отмечает, что в публикациях существенно преувеличено и количество работников в мастерской старшего портного (их было не 30, а 5-6, - это мемуарист видел сам). Впрочем, Йелин имел личные причины принижать заслуги этого семейства – один из его друзей купил у портного подбитое мехом пальто, которое оказалось худшего качества, чем рассчитывал покупатель.¹⁶²

О портном из Бадена пишет и Зоден (он называет его Францем Антоном Эгитмайером). По сведениям Зодена он имел двух сыновей, которые были офицерами русской службы. Этот портной пользовался среди русских большим уважением, имел много друзей и даже пользовался расположением губернатора. «Каждый находившийся тогда в Пензе пленный вспоминает об этом славном человеке с теплым чувством благодарности», - резюмирует Зоден.¹⁶³ Некий портной Франц Егетмайер, помогавший пленным, фигурирует, как было сказано выше, и в официальной переписке.

[284] Зоден пишет, что в Саранске жил учитель Зоммер, урожденный курляндец. С ним у пленных сложились дружеские отношения и они посещали Зоммера почти ежедневно.¹⁶⁴ Пишет Зоден, как уже упоминалось, и о том, что раненому офицером ополчения пленному помощь оказал также его соотечественник, доктор Эглау.¹⁶⁵ Стоит отметить, что и Пешке помогли проживающие в городе немцы. В частности аптекарь Петерсон предоставил ему лекарства, которые он не мог получить официальным путем.¹⁶⁶

В целом же, хотя мемуаров, в которых детально описывается пребывание пленников в Пензенской губернии, не много, впечатления мемуаристов от губернии и ее жителей, не смотря на различие в нюансах, в общих чертах совпадают. Причем это «коллективное» впечатление скорее положительное - за исключением отдельных конкретных ситуаций, оценки которых в свою очередь тоже совпадают по общей направленности. Более того, в ряде случаев сведения, сообщаемые мемуаристами, находят подтверждения в

официальной переписке. Эти обстоятельства имеют значение не только в плане характеристики положения пленных в отдельно взятом регионе, но и обладают источниковедческой ценностью, поскольку дают некоторое представление о степени достоверности мемуаров пленных как группы источников в целом.

-
- ¹ Государственный Архив Пензенской Области (ГАПО), Ф.5, Оп.1, Д.465, Л.13
 - ² ГАПО, Ф.5, Оп.1, Д.465, Л.Л.14-15
 - ³ ГАПО, Ф.5, Оп.1, Д.419, Л.23
 - ⁴ ГАПО, Ф.5, Оп.1, Д.465, Л.Л.25-27
 - ⁵ Там же, Л.46
 - ⁶ ГАПО, Ф.5, Оп.1, Д.459, Л.Л.13-17 об.
 - ⁷ Там же, Л.Л.40-44
 - ⁸ Там же, Л.45
 - ⁹ ГАПО, Ф.5, Оп.1, Д.458, Л.Л.10, об., 14, 15
 - ¹⁰ Там же, Л.Л.18-19
 - ¹¹ Там же, Л.Л.8, 28, 46
 - ¹² ГАПО, Ф.5, Оп.1, Д.458, Л.Л.51-54 об.
 - ¹³ ГАПО, Ф.5, Оп.1, Д.461, Л.52
 - ¹⁴ ГАПО, Ф.5, Оп.1, Д.464, Л.Л.1-33
 - ¹⁵ ГАПО, Ф.5, Оп.1, Д.459, Л.Л.125, об., 137, об.
 - ¹⁶ Там же, Л.128
 - ¹⁷ ГАПО, Ф.5, Оп.1, Д.462, Л.4, об.
 - ¹⁸ Там же, Л.Л.12, 24
 - ¹⁹ ГАПО, Ф.5, Оп.1, Д.509, Л.Л.2, об., 4, 6
 - ²⁰ ГАПО, Ф.5, Оп.1, Д.420, Л.Л.4-5
 - ²¹ ГАПО, Ф.5, Оп.1, Д.419, Л.Л.36-38
 - ²² ГАПО, Ф.5, Оп.1, Д.Д.458, 461, 466
 - ²³ Там же, Д.Д. 459, 466
 - ²⁴ ГАПО, Ф.5, Оп.1, Д.466, Л.Л.33-34, 55-56
 - ²⁵ ГАПО, Ф.5, Оп.1, Д.466, Л.Л.1, 2, 77
 - ²⁶ ГАПО, Ф.5, Оп.1, Д.459, Л.Л.101, об., 104-105
 - ²⁷ Там же, Л.Л.112-113
 - ²⁸ ГАПО, Ф.5, Оп.1, Д.466, Л.Л.27, об., 29
 - ²⁹ Furtenbach F. Krieg gegen Russland und russische Gefangenschaft. Nuernberg-Leipzig. 1912. S. 183
 - ³⁰ Государственный архив Ярославской области Ф. 73. Оп. 4. Д. 82. Л. 4-5
 - ³¹ In Russland 1812. Aus dem Tagebuch des wuerttembergischen Offiziers von Yelin. Muenchen 1910. S. 87
 - ³² РГИА Ф. 759 Оп. 6. Д. 1252. Л. 35
 - ³³ ГАПО, Ф.5, Оп.1, Д.459, Л.42
 - ³⁴ Там же, Л.75
 - ³⁵ Там же, Л.Л. 96-97
 - ³⁶ Там же, Л. 110
 - ³⁷ Там же, Л.Л.91, 92, 95
 - ³⁸ ГАПО, Ф.5, Оп.1, Д.466, Л.Л.38-44
 - ³⁹ ГАПО, Ф.5, Оп.1, Д.459, Л.Л.75, 143
 - ⁴⁰ ГАПО, Ф.5, Оп.1, Д.458, Л.42
 - ⁴¹ ГАПО, Ф.5, Оп.1, Д.467, Л.16, об.
 - ⁴² ГАПО, Ф.5, Оп.1, Д.461, Л.90, об.
 - ⁴³ ГАПО, Ф.5, Оп.1, Д.459, Л.122
 - ⁴⁴ ГАПО, Ф.5, Оп.1, Д.461, Л.83
 - ⁴⁵ ГАПО, Ф.5, Оп.1, Д.509, Л.25
 - ⁴⁶ ГАПО, Ф.5, Оп.1, Д.456, Л.Л.1-17
 - ⁴⁷ ГАПО, Ф.5, Оп.1, Д.510, Л.Л.1-20
 - ⁴⁸ ГАПО, Ф.6, Оп.1, Д.429, Л.Л.1-2
 - ⁴⁹ ГАПО, Ф.5, Оп.1, Д.573, Л.Л.1-30
 - ⁵⁰ In Russland 1812.... S. 84-85
 - ⁵¹ Там же, Л.Л.4, 29 об.-30
 - ⁵² ГАПО, Ф.5, Оп.1, Д.457, Л.Л.1-11
 - ⁵³ ГАПО, Ф.5, Оп.1, Д.489. Л.Л.10-12, 17
 - ⁵⁴ ГАПО, Ф.5, Оп.1, Д.441, Л.100, об.
 - ⁵⁵ ГАПО, Ф.5, Оп.1, Д.489, Л.Л.1-8 об., 19
 - ⁵⁶ Вигель Ф.Ф. Записки. Ч. 4. М., 1892. С. 113-114

-
- ⁵⁷ ГАПО Ф. 5. Оп. 1. Д. 461. Л.Л.56-62об.
⁵⁸ Там же, Л.96, об.
⁵⁹ Furtenbach F. Krieg gegen Russland ... S.184.
⁶⁰ ГАПО, Ф.5, Оп.1, Д.460, Л.Л.1-4
⁶¹ Там же, Л.29, об.
⁶² Там же, Л.Л.51, об., 57
⁶³ ГАПО, Ф.5, Оп.1, Д.463, Л.Л.1-2об., 28-30
⁶⁴ Там же, Л.Л.17, 23, об., 62, 91
⁶⁵ Там же, Л.73
⁶⁶ Там же, Л.105
⁶⁷ ГАПО, Ф.5, Оп.1, Д.512, Л.1
⁶⁸ Там же, Л.Л.29, 38-39, 40-41
⁶⁹ ГАПО, Ф.5, Оп.1, Д.511, Л.1
⁷⁰ Там же, Л.7, об.
⁷¹ Там же, Л.Л.104-106об., 203
⁷² Там же, Л.Л.128-154
⁷³ Там же, Л.Л.162-164, 177
⁷⁴ Там же, Л.Л.182-183об.
⁷⁵ ГАПО, Ф.5, Оп.1, Д.489, Л.19
⁷⁶ ГАПО, Ф.5, Оп.1, Д.538, Л.Л.1, 18
⁷⁷ Там же, Л.Л.25, 27, 29-31
⁷⁸ ГАПО, Ф.5, Оп.1, Д.573, Л.4
⁷⁹ Mitteilungen aus dem Leben des französischen Oberleutenants Carl Christian Ludwig Schenck. Celle. 1829. S. 129-138.
⁸⁰ Peszke S. Moj pobyt w niewoli rossyjskiej w r. 1812. Warszawa. 1913. S. 34-35.
⁸¹ Furtenbach F. Krieg gegen Russland ... S. 168, 179.
⁸² Ibid. S. 176.
⁸³ Ibid. S. 192-194.
⁸⁴ Memorien aus russischen Kriegsgefangenschaft von zwei deutschen Offizieren. Bd. 1. Regensburg. 1831
⁸⁵ Beschreibung meiner Leiden und Schicksale vom Foerster Fleck. Hildesheim. 1845. S. 153.
⁸⁶ Ibid. S. 157, 159.
⁸⁷ ГАПО, Ф.5, Оп.1, Д.463, Л.73
⁸⁸ Там же. Л. 103-108
⁸⁹ In Russland 1812. ... S. 82-83
⁹⁰ Ibid. S. 88-89, 91
⁹¹ Merkwuerdige Tage meines Lebens. Feldzug und Kriegsgefangenschaft in Russland. Aus dem Tagebuch eines deutschen Offiziers. Stuttgart. 1817. S. 124-156.
⁹² Ibid. S. 149-150.
⁹³ Memorien aus russischen Kriegsgefangenschaft von zwei deutschen Offizieren. Bd. 2. Regensburg. 1832.
⁹⁴ Ibid. S. 100, 105, 139, 143.
⁹⁵ Ibid. S. 152, 155
⁹⁶ In Russland 1812. ... S. 82; Merkwuerdige Tage meines Lebens. ... S. 132-133.
⁹⁷ Merkwuerdige Tage meines Lebens. ... S. 150
⁹⁸ Furtenbach F. Krieg gegen Russland ... S. 168-169
⁹⁹ Memorien aus russischen Kriegsgefangenschaft ... Bd. 2. S. 100-101, 103-104
¹⁰⁰ Peszke S. Moj pobyt w niewoli rossyjskiej ... S. 34.
¹⁰¹ Mitteilungen aus dem Leben ... S. 133-134
¹⁰² Beschreibung meiner Leiden ... S. 158
¹⁰³ Furtenbach F. Krieg gegen Russland ... S. 180-183
¹⁰⁴ In Russland 1812. ... S. 85
¹⁰⁵ Memorien aus russischen Kriegsgefangenschaft ... Bd. 2. S. 105
¹⁰⁶ Ibid. S. 107
¹⁰⁷ Ibid. S. 108
¹⁰⁸ Mitteilungen aus dem Leben ... S. 135
¹⁰⁹ Memorien aus russischen Kriegsgefangenschaft ... Bd. 2. S. 101
¹¹⁰ Furtenbach F. Krieg gegen Russland ... S.178
¹¹¹ Ibid. S. 193-194
¹¹² Государственный архив Ярославской области, Ф. 73. Оп.4. Д. 82. Л. 74.
¹¹³ Beschreibung meiner Leiden ... S. 157
¹¹⁴ In Russland 1812... S. 88-89
¹¹⁵ Memorien aus russischen Kriegsgefangenschaft ... Bd. 2. S.. 146
¹¹⁶ ГАЯО, Ф. 73 Оп. 4 Д. 82. Л. 74

-
- 117 Furtenbach F. Krieg gegen Russland ... S. 180
118 Ibid. S. 181
119 In Russland 1812. ... S. 83-84
120 Merkwuerdige Tage meines Lebens. ... S. 135
121 Memorien aus russischen Kriegsgefängenschaft ... Bd. 2. S. 106-107
122 Merkwuerdige Tage meines Lebens. ... S. 149
123 Mitteilungen aus dem Leben ... S. 135-136
124 In Russland 1812. ... S. 84-85
125 Merkwuerdige Tage meines Lebens. ... S. 136
126 Memorien aus russischen Kriegsgefängenschaft ... Bd. 2. S. 121-123
127 Ibid. S. 136, 141, 152
128 In Russland 1812. ... S. 88.
129 Вигель Ф.Ф. Записки. Ч. 4. С. 116
130 Merkwuerdige Tage meines Lebens. ... S. 140-141
131 In Russland 1812. ... S. 86-87
132 Memorien aus russischen Kriegsgefängenschaft ... Bd. 2. S. 110-112
133 ГАПО, Ф.5, Оп.1, Д.459, Л.22, об.
134 Memorien aus russischen Kriegsgefängenschaft ... Bd. 2. S. 113
135 In Russland 1812. ... S.85
136 Furtenbach F. Krieg gegen Russland ... S. 183-186
137 ГАПО, Ф.5, Оп.1, Д.459, Л.Л.62-63
138 ГАПО, Ф.5, Оп.1, Д.509, Л.17
139 Там же, Л.23
140 ГАПО, Ф.5, Оп.1, Д.538, Л.5
141 Вигель Ф.Ф. Записки Ч. 4. С. 66.
142 Там же. С. 62
143 Там же. С. 113
144 Там же. С. 113-114
145 Memorien aus russischen Kriegsgefängenschaft ... Bd. 2. S. 138
146 Ibid. S. 118
147 Ibid. S. 118-119
148 Ibid. S. 110
149 Furtenbach F. Krieg gegen Russland ... S. 189.
150 Merkwuerdige Tage meines Lebens. ... S. 128-129
151 Memorien aus russischen Kriegsgefängenschaft ... Bd. 2. S. 98-99
152 Merkwuerdige Tage meines Lebens. ... S. 151-152
153 Memorien aus russischen Kriegsgefängenschaft ... Bd. 2. S. 146-151
154 Ibid. S. 100
155 Ibid. S. 107
156 ГАПО, Ф.5, Оп.1, Д.509, Л.Л.21-22об.
157 Beschreibung meiner Leiden ... S. 155-156
158 Ibid. S. 159
159 Furtenbach F. Krieg gegen Russland ... S.169
160 Memorien aus russischen Kriegsgefängenschaft ... Bd. 1. S. 94
161 In Russland 1812. ... S. 82
162 Merkwuerdige Tage meines Lebens. ... S. 130-131
163 Memorien aus russischen Kriegsgefängenschaft ... Bd. 2. S. 102-103
164 Ibid. S. 108-109
165 Ibid. S. 151.
166 Peszke S. Moj pobyt w niewoli rossyjskiej ... S. 34.